

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

**ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ДЕСКРИПТОРЫ СУБЪЕКТИВНОГО
ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА ПОДРОСТКАМИ. ЧАСТЬ II:
РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

©2019 г. О.А. Белобрыкина *

*Кандидат психологических наук, доцент, профессор, кафедра социальной психологии и виктимологии, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»; 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, дом 28, e-mail: olga.belobrykina@gmail.com

Поступила в редакцию 19 апреля 2019 г.

Аннотация. Представлены результаты эмпирического исследования, проведенного с использованием метода полярных групп. Выявлены дескриптивные социально-психологические характеристики подростков с разным уровнем переживания одиночества. Определено, что испытуемых с высоким уровнем переживания одиночества отличает преобладание чувства социальной изолированности, отсутствие значимых эмоционально-личностных контактов и склонность к ведению уединенного образа жизни; противоречивая самооценка с тенденцией к ее занижению; сниженная способность к эмпатии; низкий уровень проявления коммуникативной, альтруистической, практической и пугнической направленностей; слабо выраженная ориентация на адекватность восприятия, принятия и понимания партнера. Испытуемые с низким уровнем переживания одиночества характеризуются выраженной тенденцией к завышенной самооценке отдельных возможностей и способностей; низким уровнем выраженности или отсутствием чувства социальной изолированности и склонности к уединению; наличием эмоционально-значимых личностных контактов; сниженной способностью к проявлению эмпатии; проявлением альтруистической, коммуникативной, практической и пугнической направленностей; ориентацией на адекватность восприятия, принятия и понимания партнера. Корреляционный анализ позволил обнаружить сходство и различие во взаимосвязях шкалы «переживание одиночества» с отдельными социально-психологическими характеристиками, зафиксированными в полярных группах испытуемых. Отмечается, что независимо от уровня

переживания чувства одиночества, у подростков наблюдается тенденция к эмоциональному истощению и коммуникативной дефицитарности, ведущие к дисгармоничности в развитии их личности, прежде всего, по эготическому типу. Показано, что подростки и с высоким, и с низким уровнем переживания одиночества находятся в зоне риска по отклоняющемуся поведению и составляют потенциальную группу для работы социальных психологов и девиантологов.

Ключевые слова: переживание одиночества, подростковый возраст, социально-психологические дескрипторы, социальная изолированность, самооценка, эмоциональная направленность, коммуникативные ориентации, эмпатия, эготический тип личности, девиантное поведение.

В настоящее время проблема одиночества становится одной из наиболее острых в контексте решения вопросов социально-психологического самочувствия не только отдельного человека, но и всего общества (подробнее см.: Динамика..., 1996; Макропсихология..., 2009; Юревич, Журавлев, 2014; и др.). Сегодня состояние одиночества переживает все большее число людей. Это вызвано множеством причин, к основным из которых исследователи (Кошенова, 2008; Психологические исследования..., 2013; Журавлев, Ковалева, 2017) относят: перманентное реформирование всех сторон общественной жизни; глобализацию, внедряющую в социальное сознание новые экономико-политические установки; девальвацию нравственных ценностей и смыслов, культурных традиций; тотальное насаждение опосредованных форм коммуникации; массовую информатизацию и др. Все это оказывает неблагоприятное влияние и на социальное жизнеустройство, и на психическое состояние и поведение современного человека (см. также: Позняков, Журавлев, 2018; Проблемы социальных конфликтов..., 2018; Психология повседневного..., 2016; и др.).

Одной из причин, побудивших нас обратиться к исследованию проблемы одиночества, являются характерные для современного мирового сообщества

симптомы подросткового неблагополучия (Самоубийство..., 2018; Суицид..., 2018; Современная социальная..., 2019; Holt-Lunstad, 2015; Dryman, 2016). Испытываемые подростками и молодыми людьми негативные переживания влияют на процесс социализации и развития личности, становятся одной из основных детерминант их социально-психологической дезадаптации (Налчаджян, 2010; Белобрыкина, 2014; Кошенова, 2016). Именно персонифицированное чувство «социальной пустоты» зачастую приводит подростков и юношей к активизации их нигилистического отношения к обществу, к формированию у них протестных, аддиктивно-девиантных форм поведения, направленных на сопротивление с ним, в том числе через криминальные и экстремистские действия, алкоголизм, наркоманию и др.

В этой связи особую актуальность приобретают работы, посвященные изучению влияния переживания чувства одиночества на развитие личности в подростковом возрасте, к числу которых принадлежит и наше исследование.

В качестве *гипотезы* настоящей работы было выдвинуто предположение о наличии содержательных различий в выраженности социально-психологических характеристик, выступающих дифференциальными дескрипторами спецификации уровней переживания одиночества в подростковом возрасте (Белобрыкина, 2019).

МЕТОДИКА

Исследование осуществлялось на выборке из 200 испытуемых (из них 110 женского пола и 90 – мужского) в возрасте 12-16 лет.

Основными методами реализации эмпирического исследования выступали:

1. *Метод полярных групп*. В качестве стартовой методики, позволяющей дифференцировать испытуемых по критерию степени субъективного

переживания одиночества, выступила методика «Шкала одиночества (UCLA)» Д. Рассела.

2. *Комплекс диагностических процедур*, включающий следующие методики:

1) экспресс-диагностика уровня социальной изолированности (Д. Рассел и М. Фергюсон);

2) методика определения эмоциональной направленности личности (Б.И. Додонов);

3) методика диагностики способности к эмпатии (А. Меграбян и Н. Эпштейн);

4) диагностика мотивационных ориентаций в межличностных коммуникациях (И.Д. Ладанов, В.А. Уразаева);

5) методика определения уровня самооценки личности (С.А. Будасси).

Выбор диагностических методов исследования осуществлялся, исходя из результатов теоретического анализа проблемы подросткового одиночества, в том числе определения социально-психологических характеристик, сопровождающих переживание одиночества в этот возрастной период. Предпочтение отдавалось методикам, адекватным сущности изучаемых характеристик, цели и гипотезе исследования, а также отвечающим требованиям качества операционализации и верификации измеряемого диагностического конструкта, надежности и валидности, репрезентативности и интерпретационной информативности.

3. *Статистические методы* обработки эмпирических данных (критерий Пирсона, U–критерий Манна-Уитни) с использованием программы SPSS Statistic 20.0.

4. *Интерпретационно-аналитические методы*: качественно-количественный, дескриптивный и компаративный анализ результатов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

На основе эмпирических данных, полученных по методике «Шкала одиночества (UCLA)» Д. Рассела, были сформированы *полярные группы* испытуемых, характеризующиеся разным уровнем субъективного переживания одиночества. В состав группы № 1 (ВПО) вошли 48 испытуемых (из них 21 девочка и 27 мальчиков) с высоким уровнем (среднее значение=52,7) субъективного переживания одиночества, что составляет 24% от общей выборки испытуемых. Во вторую группу (НПО) отнесены 50 испытуемых (из них 33 девочки и 17 мальчиков) с низким уровнем (среднее значение=30,4) субъективного переживания одиночества, что составляет 25% от общей выборки испытуемых. Достоверность различий между группами ВПО и НПО подтверждена статистически (при $U_{эмп}=860$ для $p \leq 0,01$).

Так как полярные группы респондентов оказались неуравновешенными по показателю половой принадлежности, анализ эмпирических данных осуществлялся обобщенно – без учета признака половой дифференциации.

Испытуемые со средним уровнем субъективного переживания одиночества (51%), признаваемым в возрастной психологии нормативно допустимым для подросткового периода онтогенеза (Выготский, 1984; Кон, 1984; Арсеньев, 2001; Фельдштейн, 2004; Кошенова, 2016), не принимали участия в последующих этапах исследования.

На основе средних значений эмпирических данных, полученных по параметрам комплекса диагностических методик, был выстроен условный *социально-психологический профиль* подростков с высоким и низким уровнем субъективного переживания одиночества (рис.1).

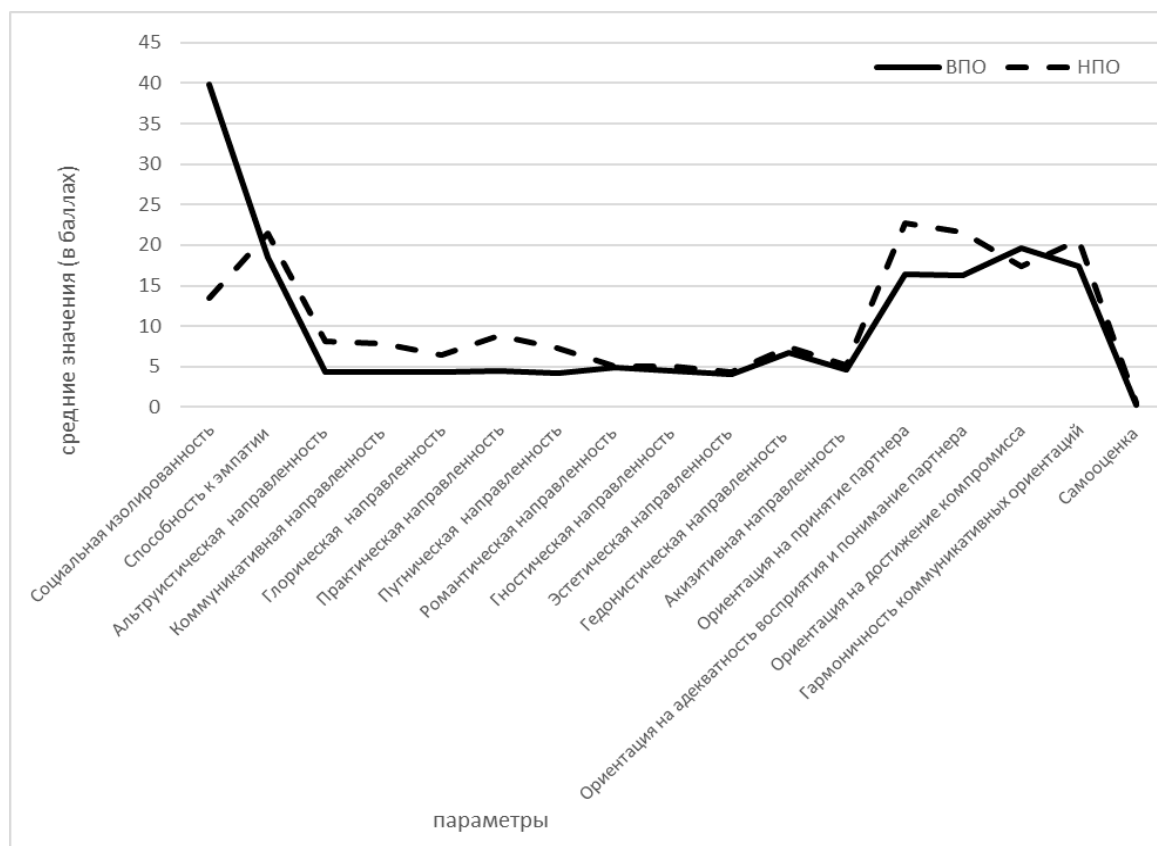

Рис. 1. Социально-психологические профили подростков с высоким (ВПО) и низким (НПО) уровнем субъективного переживания одиночества

На основе анализа эмпирических данных по показателю социальной изолированности в группе испытуемых ВПО выявлено преобладание высокого уровня, что указывает на отсутствие значимых эмоционально-личностных контактов и потребности в уединенном образе жизни у подростков с чувством глубокого субъективного переживания одиночества. Испытуемым группы НПО свойственен низкий уровень социальной изолированности, указывающий с определенной долей условности на наличие у этой группы подростков межличностных, эмоционально насыщенных и ценностно ориентированных контактов с окружающими людьми (сверстниками и взрослыми), что в целом отражает специфику реализации ведущего вида деятельности в подростковом возрасте.

По данным методики «Диагностика эмоциональной направленности личности» (Б.И. Додонов) выявлено, что у испытуемых с высоким уровнем

субъективного переживания одиночества доминируют *романтическая* и *гедонистическая* направленности. У испытуемых с низким уровнем субъективного переживания одиночества преобладают *альтруистическая*, *практическая* и *коммуникативная* эмоциональные направленности. У испытуемых обеих групп близкие значения средних показателей обнаружены по романтической, эстетической, гностической и акизитивной эмоциональным направленностям, но в то же время незначительное различие зафиксировано по параметру «гедонистическая направленность», что в целом не противоречит социально-психологическим особенностям подросткового возраста (Фельдштейн, 2004; Божович, 2008) и соответствует специфике современного общественного развития: распространенностью у подрастающего поколения установок на прагматизм в ущерб романтическим тенденциям, доминированию потребительских установок (приобретение, накопление вещей, «выходящих за пределы практической нужды в них») личности и преобладанию потребности в получении наслаждения, удовольствия (Бубер, 1995; Бодрийяр, 2006; Современная социальная..., 2019).

Наличие низкой *гностической направленности* в полярных группах испытуемых указывает, что в силу возрастных особенностей познавательная активность подростка закономерно снижается, а акцент смещается на межличностное общение. Однако если у подростков группы НПО фиксируется высокая *коммуникативная направленность*, то у подростков группы ВПО она снижена и, чаще всего, затруднена, вследствие их погруженности в свой собственный внутренний мир, где нет места внешнему.

Уход от реальности в мир мечтаний, фантазий и образов предполагает создание своеобразной «модели несуществующего» или ирреального мира, в котором особым образом материализуются определенные потребности. Такой своеобразный «побег» в иную реальность может быть вызван неудовлетворенностью подростком настоящим положением, занимаемым им в

обществе, или страхом установления контакта с внешним миром, или отвержением (как реальным, так и иллюзорным) с его стороны. Поэтому единственным способом избегания дискомфорта при попытках взаимодействия с внешним миром и защиты себя от него для подростка с высоким уровнем переживания одиночества является создание собственной реальности, которая будет идентична его внутреннему состоянию.

Необходимость в компенсации нередко побуждает подростка с глубоким чувством одиночества к нестандартной организации и направленности осуществляемой им деятельности, что может являться не только стимулом для развития творческих способностей (Кон, 1984; Психология..., 1990; Крайг, 2003), но и для совершения неадекватных, вплоть до асоциальных, поступков (Белобрыкина, 2014; Кошенова, 2016; Jacobs, 2004; Holt-Lunstad, 2015).

Показатели по параметру «способность к эмпатии» свидетельствуют о преобладании в обеих группах испытуемых среднего (ВПО – 42%; НПО – 54%) и низкого (ВПО – 40%; НПО – 46%) уровней, причем данные, относящиеся к среднему уровню выраженности эмпатийных способностей, и в ВПО, и в НПО расположены преимущественно в границах нижних значений. Полученные результаты указывают на недостаточно развитую у подростков нашей эмпирической выборки способность к сочувствию, сопереживанию, сорадованию, что в принципе соответствует результатам исследований отечественных и зарубежных ученых последнего десятилетия (Кошенова, 2016; Современная социальная..., 2019; Jacobs, 2004; Cohen, 2017).

Удельная доля испытуемых, считающих себя ориентированными на межличностную коммуникацию (по данным методики мотивационных ориентаций в межличностных коммуникациях), в группе НПО составляет 72%, в то время как в группе ВПО – 48%. Вместе с тем ориентация на достижение компромисса снижена в обеих группах испытуемых (ВПО – 38%; НПО – 44%), что не противоречит социально-психологической характеристике

подросткового периода и, видимо, не зависит от степени переживания одиночества подростком.

Результаты определения уровня самооценки показали, что в группе подростков с высоким уровнем субъективного переживания одиночества преобладает заниженная (60%) и завышенная (21%) самооценка, тогда как в группе подростков с низким уровнем субъективного переживания одиночества – нормативная (28%) и завышенная (52%).

Заметим, что в норме значимость в самооценке подростка именно социальной компоненты достаточно высока, что обусловлено спецификой ведущего вида деятельности (Эльконин, 1995; Фельдштейн, 2004; Божович, 2008). Однако в группе ВПО оценка испытуемыми значимости коммуникативных характеристик в персональном рейтинге чрезвычайно низка, тогда как эмоциональным свойствам приданы более высокие ранги.

Самоидеализация коммуникативных характеристик в самооценке 92% подростков с низким уровнем переживания одиночества может быть объяснима склонностью испытуемых группы НПО к выдаче желаемого за действительное, что считается допустимым в развитии самосознания для отдельных этапов подросткового возраста, но, вместе с тем, свидетельствует и об инфантилизации в формировании основного новообразования возраста – личностной рефлексии.

В целом же уровневый диапазон самооценки подростков с высоким и низким уровнем субъективного переживания одиночества не противоречит особенностям развития самосознания в подростковом возрасте, когда значительная доля подростков завывает свои возможности и относится к себе как к уже обладающему нужными, социально востребованными (прежде всего, в субкультуре сверстников) способностями и качествами (завышенная самооценка), тогда как другая часть, напротив, занижает свои возможности (заниженная самооценка), относя себя к типу людей, у которых такие

способности и качества отсутствуют (Фельдштейн, 2004; Божович, 2008; Белобрыкина, 2014).

Количественная и качественная оценка результатов послужила отправной точкой для статистической обработки данных. Все расчеты проводились в программе SPSS Statistic 20.0.

Для определения достоверности различий показателей по двум группам испытуемых был рассчитан U-критерий Манна-Уитни (табл. 1).³

Таблица 1. Статистические показатели достоверности различий по диагностическим данным, выявленным в полярных группах испытуемых ($n_1=48$; $n_2=50$) с использованием критерия U-Манна-Уитни (при $U_{0,05}=968$; $U_{0,01}=872$).

Параметры	Уэмп	Уровень значимости
Социальная изолированность	801,000	$p \leq 0,001$
Способность к эмпатии	952,000	$p \leq 0,05$
Альтруистическая направленность	821, 500	$p \leq 0,001$
Коммуникативная направленность	863,000	$p \leq 0,01$
Практическая направленность	814,500	$p \leq 0,001$
Пугническая направленность	964,000	$p \leq 0,05$
Ориентация на принятие партнера	951,500	$p \leq 0,05$
Ориентация на адекватность восприятия и понимание партнера	957,000	$p \leq 0,05$
Гармоничность коммуникативных ориентаций	960,000	$p \leq 0,05$
Самооценка	954,500	$p \leq 0,05$

В целом первичный анализ эмпирических данных и статистическая оценка достоверности различий позволили определить основные дескриптивные характеристики подростков с разным уровнем субъективного переживания одиночества. Так, у испытуемых с *высоким уровнем субъективного переживания одиночества* преобладает чувство социальной изолированности, отсутствие значимых эмоционально-личностных контактов

³ В таблицу внесены данные только о достоверных различиях, выявленных по исследуемым параметрам.

и склонность к ведению уединенного образа жизни. Им свойственны противоречивая самооценка с тенденцией к ее занижению; сниженная способность к эмпатии; низкий уровень проявления коммуникативной, альтруистической, практической и пугнической (переживания на основе удовлетворения потребности в преодолении опасности) направленности; слабо выраженная ориентация на адекватность восприятия, принятия и понимания партнера.

Испытуемых с *низким уровнем субъективного переживания одиночества* характеризует тенденция к завышенной самооценке отдельных возможностей и способностей; низкий уровень или отсутствие чувства социальной изолированности и склонности к уединению; наличие эмоционально-значимых личностных контактов; сниженная способность к проявлению эмпатии; выраженность альтруистической, коммуникативной, практической и пугнической направленностей; ориентация на адекватность восприятия, принятия и понимания партнера.

Для нахождения взаимосвязи между исследуемыми параметрами применялся корреляционный анализ с использованием г-критерия Пирсона.

В связи с наличием в обеих группах испытуемых значительного числа достоверных связей, нами будут описаны преимущественно сильные взаимосвязи (для $p \leq 0,01$), как наиболее точно отражающие тенденцию выраженности социально-психологических характеристик у испытуемых с полярным уровнем переживания чувства одиночества. Интерпретация установленных взаимосвязей осуществлялась на основе учета доли уровневых значений, выявленной при первичном анализе результатов.

Сравнительно-сопоставительный анализ корреляционных связей показал, что в обеих группах испытуемых зафиксированы идентичные взаимосвязи, наличие которых, с одной стороны, отражает психологические особенности подросткового возраста, тогда как с другой, их интерпретационная оценка

оказывается наиболее информативной именно с учетом уровня субъективного переживания одиночества. В частности, в группах подростков, характеризующихся как высоким, так и низким уровнем субъективного переживания одиночества, обнаружены отрицательные связи шкалы «одиночество» с параметрами «коммуникативная направленность», «гедонистическая направленность», «самооценка», «ориентация на принятие партнера», «ориентация на адекватность восприятия и понимания партнера». Обобщенно, обозначенные связи свидетельствуют, что с ростом одного показателя закономерно уменьшается другой. Однако, исходя из данных о низкой выраженности у 54% испытуемых группы ВПО показателя «коммуникативная направленность», психологическое содержание связей может свидетельствовать о том, что чем выше уровень переживания одиночества, тем более самоограниченными являются их коммуникативные контакты ($r=-0,587$), что может быть связано с нерешенностью проблемы установления значимого уровня отношений в референтной группе или коллективе сверстников. Нарушение отношений может быть обусловлено негативным опытом общения в семье, несформированностью навыков компетентной коммуникации (Белобрыкина, 2014; Современная социальная..., 2019; Jacobs, 2004; Berger, 2017). Возможно, подростки этого типа, в силу более тонкой душевной организации, уходят от реального общения в мир своих переживаний, они как бы выпадают из своей подростковой среды, им сложно выразить себя и устанавливать межличностные контакты, в частности, со сверстниками, столь актуальные в подростковом возрасте (Эльконин, 1995; Фельдштейн, 2004; Белобрыкина, 2014; Кошенова, 2016).

В группе подростков, характеризующейся низким уровнем переживания одиночества, высокий уровень коммуникативной направленности, зафиксированный у 62% испытуемых, отрицательная связь ($r=-0,549$) указывает на значимость интимно-личностного общения со сверстниками, которое:

становится острой потребностью подростка; закономерно в этом возрасте при реализации ведущего вида деятельности и, соответственно, связано со многими переживаниями. Однако, при снижении, вплоть до полного отсутствия переживания чувства одиночества, коммуникативная направленность может не столько повышаться, сколько приводит к выхолащиванию коммуникативного взаимодействия подростка.

Обратная взаимосвязь, зафиксированная в группе ВПО между шкалами «одиночество» и «ориентация на принятие партнера» ($r=-0,523$), «ориентация на адекватность восприятия и понимания партнера» ($r=-0,403$), по которым низкий уровень выявлен у 60% и 58% испытуемых, может свидетельствовать о недоверии, подозрительности подростков, присущем им страхе быть отвергнутым, недооцененным, непонятым окружающими. Поведенческий компонент может проявляться в форме избегания других людей, стеснительности, замкнутости или неконгруэнтного реагирования в различных ситуациях межличностного взаимодействия (Роджерс, 1994; Белобрыкина, 2002; Крайг, 2003; Кошенова, 2016; Jacobs, 2004; Berger, 2017).

В группе НПО, напротив, отрицательные связи шкалы «одиночество» с параметрами «ориентация на принятие партнера» ($r=-0,412$), «ориентация на адекватность восприятия и понимания партнера» ($r=-0,396$), где доля испытуемых с высоким уровнем ориентации по обозначенным шкалам составила 52% и 58%, с определенной долей условности могут указывать на высокий уровень социальной активности и коммуникативного взаимодействия подростков с низким уровнем субъективного переживания одиночества.

Отрицательная связь переживания одиночества с гедонистической направленностью (у 46% зафиксирован низкий уровень) в группе подростков с высоким уровнем субъективного переживания одиночества ($r=-0,492$) может указывать на потребностную противоречивость, обусловленную неустойчивостью эмоциональной сферы из-за постоянного нахождения

подростка в своем собственном мире, в котором он постоянно предаётся размышлениям (философского, духовного, материального и других планов), что может создавать определенную напряженность, которая, однако, не вызывает дискомфорта, а, напротив, может создавать определенный интерес и даже вызывать у него чувство удовольствия, наслаждения, вплоть до патологического, от процесса «самокопания».

При низком же уровне переживания одиночества удовлетворение подростком собственных потребностей (высокий уровень обнаружен у 78%, из них у 54% зафиксирован максимальный балл по шкале «гедонистическая направленность») путем наслаждения ($r=-0,504$) может выходить за границы допустимых просоциальных пределов, вплоть до асоциальных способов и средств достижения искомого удовольствия.

Отрицательная связь уровня переживания одиночества с самооценкой, выявленная в группе подростков с высоким уровнем одиночества ($r=-0,605$), может указывать на чрезмерно критическое внимание подростка к собственной персоне, его глубокую обращенность в свой внутренний мир, формируя у него взгляд на себя как на ущемленного в способностях или в чем-то неполноценного (Кон, 1984; Фельдштейн, 2004; Божович, 2008).

В группе НПО, напротив, снижение чувства одиночества может приводить к завышению самооценки ($r=-0,598$), к отсутствию самокритики при оценке своих способностей, возможностей, характеристик и пр., вплоть до полной вне всякой критики самоидеализации подростком собственной личности.

Вместе с тем, кроме связей, детерминированных спецификой возрастного развития, в каждой группе испытуемых выявлены специфические корреляционные связи, присущие только данной группе респондентов, что, на наш взгляд, непосредственно обусловлено индивидуально-личностными

особенностями подростков с высоким и низким уровнем субъективного переживания одиночества.

Корреляционный анализ показателей по шкалам используемых методик на выборке подростков с высоким уровнем одиночества показал значимые положительные связи шкалы «одиночество» с параметрами «социальная изолированность» ($r=0,649$), «акзигитивная направленность» ($r=0,396$), «ориентация на достижение компромисса» ($r=0,374$). Представленные связи свидетельствуют, что глубоко переживаемое субъективное чувство одиночества подростка усиливает его изолированность от общества, разрушая его эмоционально значимые контакты и увеличивая его обращенность на уединенный образ жизни. Снижение акзигитивной направленности (от франц. *acquisition* – приобретение, коллекционирование, накопление) указывает либо на уменьшение доли эмоций по отношению к закономерному для подросткового возраста интересу к коллекционированию, либо на тенденцию к бессмысленному накопительству, вплоть до культивации собственных негативных переживаний (Назляян, 2000; Белобрыкина, 2002; Holt-Lunstad, 2015; Berger, 2017). И в том, и в другом случае происходит самоограничение возможностей подростка, его потенциальных, но своевременно не распознанных социально-личностных ресурсов, так как подростковые увлечения, хобби, в том числе и в формах коллекционирования, считаются одним из вариантов свободного проявления подростком собственных желаний, замыслов, благодаря которым формируются его склонности, интересы и индивидуальные способности (Эльконин, 1995; Крайг, 2003; Фельдштейн, 2004; Божович, 2008; Белобрыкина, 2014).

При взаимодействии с людьми они зачастую не получают желаемого эмоционального отклика, что вынуждает их к самоизоляции, сопровождающейся, в том числе, и уходом от реальности в собственный мир мечтаний, фантазий. Такой своеобразный «побег» в иную реальность может

быть вызван неудовлетворенностью настоящим положением, занимаемым в обществе или страхом установления тесного контакта с внешним миром.

Собственно, социальная изоляция у этой группы подростков выражается в глубоком переживании ими отсутствия доступного круга общения и удовлетворяющих их социальных связей. В любом коллективе, где имеет место отторжение, неприятие, подросток остро переживает, что его оттолкнули, исключили, не оценили по достоинству. Это обусловлено тем, что он воспринимает все негативное, появляющееся в процессе взаимоотношений, намного эмоциональнее, поэтому он особо чувствителен к социальной изоляции, особенно в среде сверстников. Одиноким подростки чаще всего осознают свою непохожесть на других сверстников. Но иногда они чувствуют себя настолько отличающимися, что начинают вести себя противоположно тому, что им свойственно, вопреки собственной индивидуальности, пытаются быть похожими на других насколько это возможно.

Испытывая чувство одиночества и осознавая сложности, которые могут сопутствовать ему, подростки данной группы начинают искать себе подобных, создавая свою отдельную реальность, свое особое пространство, в том числе и виртуально-информационное (Мантикова, 2018; Современная социальная..., 2019).

Соответственно, длительное пребывание в состоянии глубокого переживания одиночества, сосредоточенность на своем внутреннем мире, собственных переживаниях увеличивает риск возникновения девиантных/аддиктивных форм поведения (Назляян, 2000; Белобрыкина, 2002; Jacobs, 2004; Kernberg, 2008), а в единстве с высоким уровнем изоляционизма ведет к формированию личности по эготическому типу (Роджерс, 1994; Белобрыкина, 2002; Фромм, 2006; Leary, 1997), который не сводится к эгоизму, где значимость персональных потребностей и переживаний приоритетна (на

рассмотрении соотношения явления эгоизма со смежными феноменами мы остановимся ниже).

Положительная связь шкалы «одиночество» с параметром «ориентация на достижение компромисса» может быть объяснена, с позиции Д. Рисмана, полагающего, что одной из причин одиночества является формальная ориентация на других (Riesman, 2001). Подростки с такой ориентацией, с одной стороны, хотят нравиться, постоянно приспосабливаются к обстоятельствам, но при этом обособлены от своего истинного «Я», своих чувств и своих ожиданий. Это приводит к тому, что такая личность может приобрести «синдром обеспокоенности» и зависимость от внимания окружающих к себе со стороны других людей. Причем эта потребность никогда не может быть удовлетворена. Это – так называемый «универсальный симптом», который рассматривается как попытка или состоявшееся слияние (в том числе, и его иллюзия) с другим и переживаемое при этом чувство двойственности. Боясь быть отвергнутыми, такие подростки стараются не совершать ничего, что могло бы привести их в замешательство (Малышева, 2001; Белобрыкина, 2014).

Отрицательные связи шкалы «одиночество» зафиксированы в группе ВПО с показателями «гностическая направленность» ($r=-0,601$), «пугническая направленность» ($r=-0,574$), «эстетическая направленность» ($r=-0,478$), «гармоничность коммуникативных ориентаций» ($r=-0,459$), что указывает на наличие компенсаторных отношений, когда, по мысли Б. Миюсковича, компенсируемой стороной оказываются особенности, связанные с низкими показателями (гностическая, гедонистическая и др. направленности, коммуникативные ориентации и пр.), компенсирующей – особенности, связанные с высоким показателем (переживание одиночества) (Лабиринты одиночества..., 1989).

Психологический смысл совокупности данных связей свидетельствует, что при повышении чувства одиночества происходит снижение познавательных

потребностей, связанных со стремлением к преодолению когнитивных противоречий, в том числе, при достижении личных удовольствий (жизненных, деятельностных и пр.), включая состояние комфорта, эстетические наслаждения и реализацию мотивов, детерминированных необходимостью нахождения в безопасности. На фоне углубления переживания одиночества закономерно нарушение гармоничности коммуникативных ориентаций, возникновение рассогласованности в восприятии, принятии и понимании партнера.

В группе испытуемых с *низким уровнем субъективного переживания одиночества* положительных взаимосвязей не обнаружено.

Вместе с тем, кроме связей, обозначенных в качестве идентичных для обеих групп испытуемых и охарактеризованных нами выше, в группе НПО выявлена отрицательная связь шкалы «одиночество» с параметром «социальная изолированность» ($r=-0,582$), что свидетельствует о том, что подростки данной группы в большей степени направлены во вне, они достаточно комфортно существуют в значимом для них социуме и, стремясь быть частью особой «подростковой» общности (класс, команда, группа), не испытывают чувства отверженности другими и неудовлетворенности в межличностных отношениях. На это указывают и полученные при исследовании отрицательные связи со шкалами коммуникативной направленности, ориентации на адекватное восприятие, понимание и принятие другого. Можно полагать, что они более гармонично выстраивают контакт с реальностью и такой выраженной потребности ухода и погруженности в себя, в свой внутренний мир, создавая при этом свою особую реальность, как это можно наблюдать у подростков с высоким уровнем одиночества, у них не имеется.

Однако это лишь одна, вероятностная сторона, так как отсутствие или низкий уровень чувства социальной изолированности и высокая коммуникативная направленность могут свидетельствовать о высоких

социальных ожиданиях, зависимости от оценок окружающих, склонности к недостаточной критичности в оценке себя и других, а также выступать своеобразным механизмом психологической защиты, функциональным при формировании эготического способа самопредъявления и самоутверждения личности в процессе общения, в том числе и за счет завышенного представления о своих интеллектуальных, физических, социальных и других способностях (Белобрыкина, 2002; Фромм, 2006; Leary, 1997). Как справедливо отмечал И.С. Кон, всеобщность социальной связи оказывается практически всеобщностью эготического интереса, когда обретаемое подростком «Я» само становится проблематичным, вырождается в гипертрофию индивидуального «Я», не только отличаясь от всех других, но и начиная противопоставляться в качестве некоего абсолюта (Кон, 1984). На это, собственно, и указывает выявленное в группе НПО наличие отрицательной связи шкалы «одиночество» с параметром «самооценка». Довольно информативным для подтверждения нашего предположения является и факт отсутствия в этой группе статистической взаимосвязи параметров «одиночество» и «альтруистическая направленность», что как раз и указывает на зависимость подростков с низким уровнем переживания одиночества от оценок окружающих, выраженность у них социально желательных ответов, стремление представить себя с наилучшей стороны, за которыми вполне могут скрываться меркантильные интересы и корыстные мотивы. По мысли М.Р. Leary (с соавторами), именно так проявляется оборонительный эгоизм, служащий механизмом сверхкомпенсации чувства неполноценности, позиции несоответствия определенным социальным требованиям и/или рассогласования с собственными представлениями о персональной значимости (Leary, 1997).

Обобщая полученные результаты, можно отметить, что, обладая разным качеством выраженности социально-психологических характеристик, сопровождающих переживание одиночества, вероятностный результат

развития испытуемых, обладающих и высоким, и низким уровнем субъективного переживания одиночества, может быть схожим и приводить к отклоняющемуся поведению, формированию у подростка эготического типа личности.

В связи с этим следует специально остановиться на рассмотрении явления эгоизма.

Прежде всего необходимо отметить, что *эгоизм* как особый механизм психологической защиты личности в настоящее время выступает одним из наиболее дискуссионных понятий в психологической науке и психотерапевтической практике. С одной стороны, эгоизм рассматривается как некая разновидность сопротивления (Перлз, 2004; Cohen, 2017), один из способов культивации собственной исключительности, позволяющих субъекту поддерживать и улучшать у окружающих и себя самого благоприятное впечатление о себе (Фромм, 2006), как средство, с помощью которого личность осуществляет выход (в фантазийный мир, в область виртуального пространства и т.п.) за пределы социальных норм, требований и традиций⁴ (Современная социальная..., 2019; Berger, 2017), тогда как, с другой, – трактуется как лежащий в основе инстинкта самосохранения личности механизм гиперкомпенсации ранимости (Leary, 1997), важное и закономерное для определенных этапов жизни явление, имеющее временный характер, «сменяющееся в процессе взросления пониманием взаимозависимости и неразрывной связи человека и его окружения в самых различных масштабах и контекстах» (Гингер, 1999, с. 136).

Рассматривая эгоизм с разных позиций, авторы, вместе с тем, единодушны во мнении, что эготист всегда, хотя и в разной мере, испытывает

⁴<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D0%B3%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%BC> - cite_note-%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BD%D0%B8%D0%BA12-14

чувство социальной изолированности – реальное или иллюзорное, длительное или периодическое, погружаясь в «спасительный кокон» одиночества, как «особую форму самовосприятия, острую форму самосознания» (Лабиринты одиночества, 1989, с. 26). По данным Л.И. Божович, если подросток не способен к самоанализу своей деятельности, а оценка его окружающими меняется в негативном для него направлении, то у него закономерно актуализируются острые аффективные переживания. В ответ на потребность избежать тяжелых аффективных переживаний, связанных с потерей уверенности в себе, чаще всего, по её мнению, и возникают отрицательные качества личности (Божович, 2008).

Однако, как это не парадоксально, именно изоляция сохраняет психику и личность одинокого подростка. Об этой функции эгоизма достаточно содержательно и убедительно с социально-психологических позиций писали Ф. Перлз и П. Гудман (2004), С. Гингер и А. Гингер (1999) и другие авторы. Кроме того, С. Цвейг, анализируя личность Стендаля, отмечал, что его эгоизм – есть ничто иное как «страстная самозащита; он не проникает в чужие владения, но и за свой порог не пускает никого» (Цвейг, 1996, с. 511). «... Его нисколько не беспокоит возможность остаться одному при своем мнении, наоборот, одиночество дарует счастье и укрепляет его самоощущение» (Цвейг, 1996, с. 512). «... Человек, сохранивший себя до конца, сослужил человечеству такую же службу, как и тот, кто до конца себя отдал; оберегая свое «я», он оберегает неповторимый образ земной правды от всеокрушающего потока превращений» (Цвейг, 1996, с. 515). Автор полагал, что именно благодаря предельно «отъединяющему» действию эгоизма, одиночество и самоизоляция позволяют сберечь уникальную сущность личности, спасая её от разрушительного, обезличивающего влияния извне и сохраняя в своей подлинности. «В нем, не окрашенном расцветкой времени, можем мы наблюдать человека *par excellence*, извечный индивидуум в его редкой и

тончайшей разновидности, психологически отделенный от окружающей среды» (Цвейг, 1996, с. 515).

Как отмечают А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский, в условиях одиночества актуализируется потребность в общении и при невозможности ее удовлетворения «люди персонифицируют предметы (куклы и др.), различных животных ..., создают силой воображения партнеров, с которыми начинают разговаривать вслух. Эти экстериоризационные реакции оцениваются как защитные (компенсаторные) и рассматриваются в границах психологической нормы» (Психология..., 1990, с. 248-249). По мысли М. Бубера, «именно перед тем, кто одинок, раскрывается во всей глубине вопрос о существовании человека; именно человеку, который преодолевает свое одиночество и при этом не теряет к нему интереса, указывается путь к ответу на данный вопрос» (Бубер, 1995, с. 77). К. Роджерс, предлагавший различать два типа одиночества и соответствующий каждому из них уровень отчуждения (от себя и своего опыта; от взаимоотношений с другими людьми), рассматривал тенденцию к самоизоляции как способ адаптации человека к социуму, обусловленный характером его самопринятия на психофизиологическом уровне, как механизм самосохранения собственной личности (Роджерс, 1994).

Очевидно, в качестве характеристик эгоизма, способствующих благоприятному прогнозу развития, реализующих охранительную функцию и обеспечивающих подростку с высоким уровнем переживания одиночества психологическую защиту от разрушительного влияния извне и изнутри, могут считаться выраженная потребность в положительных контактах и эмоциях, в сохранении собственной индивидуальности и самобытности; творческая направленность; чувствительность к оценкам других людей и к дистанции между людьми; способность к рефлексии, позволяющая своевременно сориентироваться в ситуации, предотвратить вовлеченность в эмоциональные манипуляции; склонность к самоторможению, самоограничению активности, к

самоконтролю спонтанности и управлению собственной импульсивностью (Роджерс, 1994; Бубер, 1995; Гингер, 1999; Перлз, 2004).

К качествам эгоизма, затрудняющим социально-психологическое развитие субъекта, препятствующим или ограничивающим конструктивную перспективу оптимального становления личности, относят самовлюбленность и самолюбование; преувеличенное мнение о своих достоинствах, способностях и возможностях; культивация собственной исключительности; потребность в постоянном восхвалении собственной личности; нестабильность и противоречивость самооценки; склонность к переживанию амбивалентных состояний (грандиозности или ничтожества), к обесцениванию своего и чужого опыта; непереносимость критической или негативной оценки со стороны других людей; нравственная стигматизация; жесткое ограничение контактов с внешним миром; реакции сопротивления, ведущие к нарциссизму (Назлюян, 2000; Белобрыкина, 2002; Фромм, 2006; Riesman, 2001).

Таким образом, можно предположить, что на содержательную специфику формирования эготического типа (с благоприятным или неблагоприятным прогнозом развития) будет оказывать влияние система факторов и комплекс индивидуально-личностных особенностей подростка, но в большей мере – глубина и форма переживания им чувства одиночества.

Эгоизм, имеющий двойственную природу, закономерно предполагает дифференциальный подход к реализации профессиональной деятельности специалистов по социально-психологическому сопровождению подростков с разным уровнем переживания одиночества.

Факт обнаружения феноменологии эгоизма в процессе исследования особенностей переживания подростками чувства одиночества требует дополнительной проверки и определяет перспективу наших дальнейших исследований по объективации влияния эгоизма на переживание одиночества,

в том числе и как детерминанты девиантного поведения в подростковый период онтогенеза.

ВЫВОДЫ

Результаты эмпирического исследования, в основу которого был положен метод полярных групп, позволили выявить сходство и различие в социально-психологических характеристиках испытуемых, по-разному переживающих чувство одиночества.

В качестве дифференциальных дескрипторов субъективного переживания одиночества подростком выступает специфика выраженности его социально-психологических характеристик.

Зафиксировано, что независимо от уровня переживания одиночества, у подростков наблюдается тенденция к эмоциональному истощению (за счет снижения позитивно насыщенных эмоций, прежде всего, социальных) и коммуникативной дефицитарности.

Обнаружено, что и высокий, и низкий уровень переживания одиночества ведет к дисгармоничности в развитии личности подростка. Обе категории подростков находятся в зоне риска по отклоняющемуся поведению и составляют потенциальную группу для работы социальных психологов, педагогов-психологов и девиантологов.

При разных уровнях переживания одиночества, но в совокупности с другими показателями (например, при завышенной или заниженной самооценке, способности к эмпатии, коммуникативной ориентации и пр.), высока вероятность формирования личности подростка по эготическому типу как в его благоприятных, так и неблагоприятных проявлениях, вплоть до клинических.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арсеньев А.С.* Подросток глазами философа // *Философские основания понимания личности.* М.: Академия, 2001. С. 480-545.
- Белобрыкина О.А.* Феноменология депривационного развития личности в детском возрасте // *Философия образования.* 2002. № 4. С. 162-168.
- Белобрыкина О.А.* Дифференциальные дескрипторы субъективного переживания одиночества подростками. Часть I: теоретические и методические подходы к исследованию // *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и Экономическая психология.* 2019. Т. 4. № 2. С. 129-146. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document687.pdf> (дата доступа 15.07.2019).
- Белобрыкина М.А., Белобрыкина О.А.* Психологические особенности подростков с компенсаторным типом адаптации к социуму // *Филология и культура.* 2014. № 1 (35). С. 312-321.
- Бодрийяр Ж.* Общество потребления / Пер. с фр., послесл. и прим. Е.А. Самарской. М.: Республика, 2006.
- Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008.
- Бубер М.* Два образа веры. М.: Республика, 1995.
- Выготский Л.С.* Детская психология // *Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4.* М.: Педагогика, 1984.
- Гингер С., Гингер А.* Гештальт-терапия контакта / Пер. с фр. Е.В. Просветиной. СПб.: Специальная Литература, 1999.
- Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.
- Журавлев А.Л., Ковалева Ю.В.* Современные глобальные вызовы и задачи глобальной психологии // *Социально-психологическая оценка рисков*

современной реальности: очевидное и вероятное: монография.
Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017. С. 8-14.

Кон И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.

Кошенова М.И. Информационная культура как новая матрица онтогенетического развития // Психологическое здоровье как условие самореализации личности: материалы научно-практической конференции, 28-29 ноября 2007 г. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. С. 143-152.

Кошенова М.И. «Проблемные зоны» сохранения психологического и социального здоровья школьников в период подростничества // Инновации в медицине, психологии и педагогике: материалы VII Международной научно-практической конференции. Новосибирск: Немо Пресс, 2016. С. 229-234.

Крайг Г. Психология развития. СПб.: Питер, 2003.

Лабиринты одиночества: Сборник статей / Сост., общ ред. и предисловие Н.Е. Покровского. М.: Прогресс, 1989.

Макропсихология современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Малышева С.В., Рождественская Н.А. Особенности чувства одиночества у подростков // Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология. 2001. № 3. С. 63-68.

Мантикова А.В., Чупров Л.Ф., Кошенова М.И. Безопасность детей и подростков в Интернет-пространстве: мифы, реальность, практические рекомендации // Современная реальность в социально-психологическом контексте: Сборник научных материалов. Новосибирск: НГПУ, 2018. С. 138-147.

Назляян Г.М. К концепции патологического одиночества // Московский психотерапевтический журнал. 2000. № 2. С. 51-69.

Налчаджян А.А. Психологическая адаптация: механизмы и стратегии. М.: Эксмо, 2010.

Перлз Ф., Гудмен П. Теория гештальт-терапии / Пер. с англ. В. Кислюк, А. Корнева, В. Петренко. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2004.

Позняков В.П., Журавлев А.Л. Социальная психология и экономические реформы в России // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 15-25.

Проблемы социальных конфликтов в современной психологии: сущность, детерминанты, регулирование / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Соснин, Д.А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Психологические исследования проблем современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.

Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Н.В. Тарабрина, Н.Е.Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Психология: словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского. М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990.

Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, 1994.

Самоубийство: Информационный бюллетень (24 августа 2018 г.) // ВОЗ [официальный сайт]. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/suicide> (дата обращения: 1.04.2019).

Современная социальная реальность: вызовы, риски, перспективы: монография / О.О. Андронникова, Л.Б. Шнейдер, О.А. Белобрыкина, М.И. Кошенова и др.; под науч. ред. О.А. Белобрыкиной. Новосибирск: НГПУ, 2019.

Суицид-2018: статистика, причины, знаки опасности // Психологи на b17.ru. URL: <https://www.b17.ru/blog/suicid18/> (дата обращения: 1.04.2019).

Фельдштейн Д.И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности: Избранные труды. М.: МПСИ, 2004.

Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя / пер. с англ. Г.Ф. Швейника. М.: АСТ, 2006.

Цвейг С. Стендаль // Собрание сочинений: в 10 томах. Т. 3. Нетерпение сердца: Роман. Три певца своей жизни: Казанова, Стендаль, Толстой. М.: ТЕРРА, 1996. С. 467-553.

Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Психическое развитие в детских возрастах. М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1995. С. 66-86.

Юревич А.В., Журавлев А.Л. Количественная оценка психологического состояния современного российского общества // Современная социальная реальность России и государственное управление: Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году. В 2-х т. Том 1. М.: ИСПИ РАН, 2014. С. 92-100.

Berger U., Keshet H., Gilboa-Schechtman E. Self-evaluations in social anxiety: The combined role of explicit and implicit social-rank // Personality and Individual Differences. 2017. V. 104. P. 368-373.

Cohen J.N., Dryman M.T., Morrison A.S., Gilbert K.E., Heimberg R.G., Gruber J. Positive and Negative Affect as Links Between Social Anxiety and Depression: Predicting Concurrent and Prospective Mood Symptoms in Unipolar and Bipolar Mood Disorders // Behavior Therapy. 2017. V. 48. P. 820-833.

Dryman M.T., Gardner S., Weeks J.W., Heimberg R.G. Social anxiety disorder and quality of life: How fears of negative and positive evaluation relate to specific domains of life satisfaction // Journal of Anxiety Disorders. 2016. V. 38. P. 1-8.

Holt-Lunstad J., Smith T.B., ark Baker M., Harris T., Stephenson D. Loneliness and Social Isolation as Risk Factors for Mortality: A Meta-Analytic Review // Perspectives on Psychological Science. 2015. V. 10 (2). P. 227-237.

Jacobs Ja.E., Vernon M.K., Eccles Ja.S. Relations between social self-perceptions, time use, and prosocial or problem behaviors during adolescence // Journal of Adolescent Research. 2004. V. 19. № 1. Pp. 45-62.

Kernberg P.F., Weiner A.S., Bardenstein K.K. Personality Disorders in Children and Adolescents. N.Y.: Basic Books, 2008.

Leary M.R., Bednarski R., Hammon D., Duncan T. Blowhards, snobs, and narcissists: Interpersonal reactions to excessive egotism // Aversive interpersonal behaviors. N.Y.: Plenum Press, 1997. P. 111-131.

Riesman D., Glazer N., Denney R. The lonely crowd: A study of the changing American character (Abridged and rev. ed. /Foreword by Todd Gitlin.) New Haven, CT: Yale University Press; 2001.

BIBLIOGRAFICHESKIJ SPISOK

Arsen'ev A.S. Podrostok glazami filosa // Filosofskie osnovaniya ponimaniya lichnosti. M.: Akademiya, 2001. S. 480-545.

Belobrykina O.A. Fenomenologiya deprivacionnogo razvitiya lichnosti v detskom vozraste // Filosofiya obrazovaniya. 2002. № 4. S. 162-168.

Belobrykina O.A. Differencial'nye deskriptory sub"ektivnogo perezhivaniya odinochestva podrostkami. CHast' I: teoreticheskie i metodicheskie podhody k issledovaniyu // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i Ekonomicheskaya psihologiya. 2019. T. 4. № 2. S. 129-146. URL: <http://socioeconom-psychology.ru/engine/documents/document687.pdf> (data dostupa 15.07.2019).

Belobrykina M.A., Belobrykina O.A. Psihologicheskie osobennosti podrostkov s kompensatornym tipom adaptacii k sociumu // Filologiya i kul'tura. 2014. № 1 (35). S. 312-321.

Bodriyar Zh. Obshchestvo potrebleniya / Per. s fr., poslesl. i prim. E.A. Samarskoj. M.: Respublika, 2006.

Bozhovich L.I. Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste. SPb.: Piter, 2008.

Buber M. Dva obraza very. M.: Respublika, 1995.

Vygotskij L.S. Detskaya psihologiya // Sobranie sochinenij: V 6 t. T. 4. M.: Pedagogika, 1984.

Ginger S., Ginger A. Geshtal't-terapiya kontakta / Per. s fr. E.V. Prosvetinoj. SPb.: Special'naya Literatura, 1999.

Dinamika social'no-psihologicheskikh yavlenij v izmenyayushchemsya obshchestve. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 1996.

Zhuravlev A.L, Kovaleva Yu.V. Sovremennye global'nye vyzovy i zadachi global'noj psihologii // Social'no-psihologicheskaya ocenka riskov sovremennoj real'nosti: ochevidnoe i veroyatnoe: monografiya. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2017. S. 8-14.

Kon I.S. V poiskah sebya: Lichnost' i ee samosoznanie. M.: Politizdat, 1984.

Koshenova M.I. Informacionnaya kul'tura kak novaya matrica ontogeneticheskogo razvitiya // Psihologicheskoe zdorov'e kak uslovie samorealizacii lichnosti: materialy nauchno-prakticheskoy konferencii, 28-29 noyabrya 2007 g. Omsk: Izd-vo OmGPU, 2008. C. 143-152.

Koshenova M.I. «Problemnye zony» sohraneniya psihologicheskogo i social'nogo zdorov'ya shkol'nikov v period podrostnichestva // Innovacii v medicine, psihologii i pedagogike: materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Novosibirsk: Nemo Press, 2016. S. 229-234.

Krajg G. Psihologiya razvitiya. SPb.: Piter, 2003.

Labirinty odinochestva: Sbornik statej / Sost., obshch red. i predislovie N.E. Pokrovskogo. M.: Progress, 1989.

Makropsihologiya sovremennogo rossijskogo obshchestva. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2009.

Malysheva S.V., Rozhdestvenskaya N.A. Osobennosti chuvstva odinochestva u podrostkov // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psihologiya. 2001. № 3. S. 63-68.

Mantikova A.V., Chuprov L.F., Koshenova M.I. Bezopasnost' detej i podrostkov v Internet-prostranstve: mify, real'nost', prakticheskie rekomendacii // Sovremennaya real'nost' v social'no-psihologicheskom kontekste: Sbornik nauchnyh materialov. Novosibirsk: NGPU, 2018. S. 138-147.

Nazloyan G.M. K koncepcii patologicheskogo odinochestva //Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal. 2000. № 2. S. 51-69.

Nalchadzhyan A.A. Psihologicheskaya adaptaciya: mekhanizmy i strategii. M.: Eksmo, 2010.

Perlz F., Gudmen P. Teoriya geshtal't-terapii / Per. s angl. V. Kislyuk, A. Korneva, V. Petrenko. M.: Institut Obshchegumanitarnyh Issledovanij, 2004.

Poznyakov V.P., Zhuravlev A.L. Social'naya psihologiya i ekonomicheskie reformy v Rossii // Psihologicheskij zhurnal. 2018. T. 39. № 1. S. 15-25.

Problemy social'nyh konfliktov v sovremennoj psihologii: sushchnost', determinanty, regulirovanie /Otv. red. A.L. Zhuravlev, V.A. Sosnin, D.A. Kitova. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2018.

Psihologicheskie issledovaniya problem sovremennogo rossijskogo obshchestva / Otv. red. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2013.

Psihologiya povsednevnogo i travmaticheskogo stressa: ugrozy, posledstviya i sovladanie / Otv. red. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko, N.V. Tarabrina, N.E. Harlamenkova. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2016.

Psihologiya: slovar' / Pod obshch. red. A.V. Petrovskogo. M.G. Yaroshevskogo. M.: Politizdat, 1990.

Rodzhers K.R. Vzglyad na psihoterapiyu. Stanovlenie cheloveka. M.: Progress, 1994.

Samoubijstvo: Informacionnyj byulleten' (24 avgusta 2018 g.) // VOZ [oficial'nyj sajt]. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/suicide> (data obrashcheniya: 1.04.2019).

Sovremennaya social'naya real'nost': vyzovy, riski, perspektivy: monografiya / O.O. Andronnikova, L.B. SHnejder, O.A. Belobrykina, M.I. Koshenova i dr.; pod nauch. red. O.A. Belobrykinoj. Novosibirsk: NGPU, 2019.

Suicid-2018: statistika, prichiny, znaki opasnosti // Psihologi na b17.ru. URL: <https://www.b17.ru/blog/suicid18/> (data obrashcheniya: 1.04.2019).

Fel'dshtejn D.I. Psihologiya vzrosleniya: strukturno-soderzhatel'nye karakteristiki processa razvitiya lichnosti: Izbrannye trudy. M.: MPSI, 2004.

Fromm E. Begstvo ot svobody. Chelovek dlya sebya / per. s angl. G.F. SHvejnika. M.: ACT, 2006.

Cvejg S. Stendal' // Sobranie sochinenij: v 10 tomah. T. 3. Neterpenie serdca: Roman. Tri pevca svoej zhizni: Kazanova, Stendal', Tolstoj. M.: TERRA, 1996. S. 467-553.

El'konin D.B. K probleme periodizacii psihicheskogo razvitiya v detskom vozraste // Psihicheskoe razvitie v detskih vozrastah. M.: Institut prakticheskoj psihologii; Voronezh: MODEK, 1995. S. 66-86.

Yurevich A.V., Zhuravlev A.L. Kolichestvennaya ocenka psihologicheskogo sostoyaniya sovremennogo rossijskogo obshchestva // Sovremennaya social'naya real'nost' Rossii i gosudarstvennoe upravlenie: Social'naya i social'no-politicheskaya situaciya v Rossii v 2012 godu. V 2-h t. Tom 1. M.: ISPI RAN, 2014. S. 92-100.

Berger U., Keshet H., Gilboa-Schechtman E. Self-evaluations in social anxiety: The combined role of explicit and implicit social-rank // *Personality and Individual Differences*. 2017. V. 104. P. 368-373.

Cohen J.N., Dryman M.T., Morrison A.S., Gilbert K.E., Heimberg R.G., Gruber J. Positive and Negative Affect as Links Between Social Anxiety and Depression: Predicting Concurrent and Prospective Mood Symptoms in Unipolar and Bipolar Mood Disorders // *Behavior Therapy*. 2017. V. 48. P. 820-833.

Dryman M.T., Gardner S., Weeks J.W., Heimberg R.G. Social anxiety disorder and quality of life: How fears of negative and positive evaluation relate to specific domains of life satisfaction // *Journal of Anxiety Disorders*. 2016. V. 38. P. 1-8.

Holt-Lunstad J., Smith T.B., Berkman M., Harris T., Stephenson D. Loneliness and Social Isolation as Risk Factors for Mortality: A Meta-Analytic Review // *Perspectives on Psychological Science*. 2015. V. 10 (2). P. 227-237.

Jacobs Ja.E., Vernon M.K., Eccles Ja.S. Relations between social self-perceptions, time use, and prosocial or problem behaviors during adolescence // *Journal of Adolescent Research*. 2004. V. 19. № 1. Pp. 45-62.

Kernberg P.F., Weiner A.S., Bardenstein K.K. *Personality Disorders in Children and Adolescents*. N.Y.: Basic Books, 2008.

Leary M.R., Bednarski R., Hammon D., Duncan T. Blowhards, snobs, and narcissists: Interpersonal reactions to excessive egotism // *Aversive interpersonal behaviors*. N.Y.: Plenum Press, 1997. P. 111-131.

Riesman D., Glazer N., Denney R. *The lonely crowd: A study of the changing American character (Abridged and rev. ed. /Foreword by Todd Gitlin.)* New Haven, CT: Yale University Press; 2001.

DIFFERENTIAL DESCRIPTORS OF SUBJECTIVE EXPERIENCE OF LONELINESS BY TEENAGERS. PART II: RESULTS OF EMPIRICAL RESEARCH

O.A. Belobrykina*

*Ph.D. (psychology), associate professor, professor of the department of social psychology and victimology of FSFEE HE «Novosibirsk state pedagogical university»; 630126, Novosibirsk, Vilyuyskaya st., 28, e-mail: belobrykina@gmail.com

Summary. Results of the empirical research conducted with use of a method of polar groups are presented. Descriptive characteristics of social and psychological features of teenagers with the different level of experience of loneliness are revealed. It is defined that examinees with the high level of experience of loneliness are distinguished by prevalence of feeling of social isolation, lack of significant emotional and personal contacts and tendency to maintaining a lonely way of life; inconsistent, with a tendency to understating, a self-assessment; the reduced ability to empathy; low level of manifestation of communicative, altruistic, practical and pugnacity orientations; poorly expressed orientation to adequacy of perception, acceptance and understanding of the partner. Examinees with the low level of experience of loneliness are characterized by the expressed tendency to high self-esteem of separate opportunities and abilities; low level or absence of feeling of social isolation and tendency to privacy; existence of emotional and significant personal contacts; the reduced ability to manifestation of empathy; manifestation of altruistic, communicative, practical and pugnacity orientations; orientation to adequacy of perception, acceptance and understanding of the partner. The correlation analysis found similarity and distinction in interrelations of a scale "experience of loneliness" with the separate social and psychological characteristics recorded in polar groups of examinees. It is noted that irrespective of the level of experience of feeling of loneliness, at teenagers the tendency to emotional exhaustion and communicative deficiency, their persons conducting to a disharmony in development, first, in egotical type is observed. It is shown that teenagers both with high, and with the low level of experience of loneliness are in a risk zone on deviant behavior and make potential group for work of social psychologists and specialists in deviant behavior.

Институт психологии Российской академии наук.

Социальная и экономическая психология. 2019. Том 4. № 3 (15)

О.А. Белобрыкина

Дифференциальные дескрипторы субъективного переживания одиночества подростками. Часть II: результаты эмпирического исследования

Keywords: experience of loneliness, teenage age, social and psychological descriptors, social isolation, self-assessment, emotional orientation, communicative orientations, empathy, egotical type of the personality, deviant behavior.